

Слово «Сталинград» приводило в ужас

А. В. Серегин*

«**В**роте осталось всего семь человек. Повсюду видны солдатские кладбища. Теперь только одно слово „Сталинград“ приводит нас в ужас», — написал в своем дневнике безвестный немецкий ефрейтор Отто Крепель и, должно быть, канул в Лету, так как судьба его в дальнейшем не прослеживается. Но запись эта попала в руки фельдмаршала Паулюса, и он привел ее в своих воспоминаниях о Сталинградской битве. Великой битве, собравшей на бранном поле невиданные дотоле солдатские силы и устрашающее по количеству оружие. В течение двухсот дней на огромной территории под Сталинградом шли напряженные бои, в которых участвовало несколько миллионов человек, располагавших 26 тыс. орудий и минометов, более 2 тыс. танков и свыше 2 тыс. самолетов.

Наш замечательный военный историк академик Александр Михайлович Самсонов, создавший о Сталинградской битве, пожалуй, наиболее значительное исследование, с которым мне довелось провести многие часы в обсуждении перипетий сражения и окружавших его событий и с которым мы написали несколько статей на эту тему, считал, что *под Сталинградом решилась судьба войны*. «Битва завершилась блестящей победой Советского Союза и его Вооруженных Сил. Красная армия разгромила пять армий фашистской Германии и ее союзников: две немецкие (6-ю и 4-ю танковую), две румынские (3-ю и 4-ю) и одну итальянскую (8-ю).

За время контрнаступления полностью были уничтожены 32 дивизии и 3 бригады, а 16 дивизий врага понесли серьезное поражение, лишившись свыше половины своего состава. Его потери составили свыше 800 тысяч человек. Всего же за 200 дней и ночей битвы на Волге, бросая в сражения все новые и новые дивизии, противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн человек. Он лишился также около 3,5 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 3 тыс. боевых и транспортных самолетов, более 12 тыс. орудий и минометов, 75 тыс. автомашин и пр. Такого количества людей и боевой техники было достаточно для укомплектования 75–80 дивизий», — отметил он в своей книге, посвященной Сталинградской битве.

Вообще об этой битве написано очень много. Как-то не хочется скатываться до набивших оскомину «тысяч или гор» книг, научных монографий, воспоминаний и т. д. Но это так. Писать начали тогда, когда пушки, стрелявшие с обеих сторон, еще не остыли от залпов. И что поразительно, уже тогда *победа советских войск под Сталинградом стала принижаться на Западе, а ее значение в истории Второй мировой войны стало уравниваться со значением весьма скромных по военным и политическим меркам операций союзников*.

Конечно же, это не могло не остаться незамеченным. Академик Самсонов, допуская, что впервые на научном уровне обратил на это внимание: «Стремясь умалить значение побед Красной армии, буржуазная историография

* Александр Васильевич Серегин — директор Дирекции информационно-издательских программ МГИМО(У), кандидат культурологии.

(тогда, в 1968 году, западная историография называлась буржуазной — А. С.) Второй мировой войны часто ставит в один ряд Сталинградскую битву и наступление английских войск от Эль-Аламейна до Туниса, хотя по масштабам и напряженности борьбы, а также по своему значению они несоизмеримы. На Североафриканском фронте в период сражения под Эль-Аламейном действовало всего 12 немецких и 8 итальянских дивизий, а на Восточном фронте гитлеровцы имели в это время 226 дивизий», — писал он.

Действительно, весной–летом 1942 года в Африке германские войска со своими союзниками-итальянцами продвигались к Суэцу из Ливии. Цель — разорвать английские коммуникации с Азией через Суэц, установить контроль над Средиземным морем и постараться соединиться с прорвавшими советскую оборону на Кавказе фашистскими войсками. Странные цели, не правда ли? Нефть в ту пору на северном африканском побережье еще не нашли и как можно контролировать Средиземное море сухопутной армией да еще продвигать ее в направлении Кавказа (!), чтобы соединиться с действующей там гитлеровской группировкой? Не самый короткий путь. Но германские стратеги рассудили по-своему и бросили на реализацию своих задумок весьма неплохую армию Роммеля.

В 90 километрах от Александрии, в местечке Эль-Аламейн, английские войска смогли остановить движение этой армии и после жестоких и кровопролитных боев перешли в контрнаступление. Англия ликовала, сравнивая значение этой победы со значением разгрома немцев под Сталинградом и назначая это сражение самым решающим с целью защиты интересов союзников. В своих мемуарах английский премьер Черчилль назвал победу у Эль-Аламейна «поворотом судьбы». Можно сказать, писал он, что «до Эль-Аламейна мы не имели ни одной победы. После Эль-Аламейна мы не понесли ни одного поражения». Бравые и даже хвастливые заявления премьера Англии вызывали недоумение даже у американцев. Их генерал Вейдемейер эпистолярно заметил в этой связи: «Черчилль страшно преувеличивал значение победы союзников в Африке».

Собственно, все эти периферийные сражения в Северной Африке большого значения для исхода войны не имели. Скорее они были нужны западным лидерам, чтобы оттянуть время для

своего реального вступления в войну на европейском континенте, убедить свою и мировую общественность в приверженности союзническим обязательствам, а также продемонстрировать всему миру крупный вклад Англии в борьбу против Германии и Италии. С такой точкой зрения, высказанной академиком В. Г. Трухановским в книге «Уинстон Черчилль», трудно не согласиться.

С самого начала у операции «Джимнаст», а именно так кодово называлась высадка англо-американских войск в Северной Африке как альтернатива десанту в Северной Франции, в стане союзников было много противников. Противились американцы. Д. Эйзенхауэр в своих мемуарах на этот счет вспоминал беседу с Черчиллем, которому сказал, что со многих точек зрения операция «Джимнаст» невыгодна. Американский генерал поставил перед премьером весьма жесткий и справедливый вопрос, а приведет ли эта операция к тому, что немцы выведут с русского фронта хотя бы одну дивизию или один самолет? Время ответило за английского премьера. Ни технику, ни солдат немцы с русского фронта не вывели. Напротив, участники Сталинградской битвы были немало удивлены, когда с немецкой стороны на советские позиции выдвинулись зимой танки, окрашенные в желтые маскировочные цвета. Неужели неизвестные новые модификации бросили в бой немецкие генералы? Позднее стало ясно. Танки — старые, приготовленные для отправки в песчаные пустыни Северной Африки, но маршрут им поменяли с учетом развернувшихся боев в Сталинграде. Какая Северная Африка, даже цвет не успели переокрасить, настолько спешили.

Американский генерал Маршалл назвал операцию «Джимнаст» дорогостоящей и бесплодной. Адмирал Кинг предостерег, что невозможно выполнять обязательства военно-морских сил на других театрах и в то же время обеспечивать доставку грузов и эскортирование, если будет предпринята эта операция.

Что же Англия? По инициативе Черчилля операцию «Джимнаст»... переименовали в «Торч» (Факел). Назначили главнокомандующим войск Д. Эйзенхауэра. 8 ноября 1942 года англо-американцы высадились в Северной Африке, а 12 мая 1943 года Роммель капитулировал. На ходе войны эта капитуляция практически не сказалась. *Боялись и не хотели англичане высаживаться во Франции. Потому*

и разворачивали периферийные сражения вдалеке от Европы, от Германии, чтобы хоть как-то прицельно попасть в общественные ожидания внутри станы и в рядах коалиции антифашистских сил. И если не в десятку, то хоть не в молоко.

Сталинградская битва, по мнению многих военных историков, сложилась из двух периодов: наступательного для немецкой стороны и оборонительного. 17 июля 1942 года, когда она началась, на Сталинградском направлении немцами было сосредоточено свыше 1 миллиона человек: в июле 30 дивизий, в августе — 69, а через месяц наступление вела уже 81 дивизия (кстати, в Северную Африку Германия не отправила на подмогу ни одного соединения). Вместе с немцами наступали две румынские, одна итальянская и одна венгерская армии. Все это обеспечило немцам почти трехкратное превосходство в технике и солдатах. Продвинувшись на 200–400 километров, гитлеровские войска 23 августа вышли к Волге. Это был для наших войск самый тяжелый, самый драматичный этап. Именно концом июля датирован знаменитый сталинский приказ «Ни шагу назад!».

Но еще большей опасностью, катастрофой грозила создававшаяся ситуация Отечеству. В своих воспоминаниях, которые сегодня тиражируются на Западе, Берия писал, что видел Сталина плачущим всего два раза в жизни. Первый, когда Сталин получал сводки о ходе боевых действий из Сталинграда. Понятно, что не только сообщения о продвижении гитлеровских войск к Сталинграду заботили и омрачали Верховного. На Востоке в это время милитаристская Япония наращивала силы Квантунской армии, расположившейся вдоль наших границ. *Что должно было случиться, чтобы японцы начали наступление? Наши историки-японисты убеждены, что сигналом послужило бы поражение советских войск под Сталинградом. Это с одной стороны. С другой — в Лондоне или допросы перелетевшего в Англию Гесса. Учитывая неискренность англичан, их стремление обеспечить исключительно свои интересы за счет других, эти допросы могли объективно превратиться в сепаратные переговоры с гитлеровской верхушкой. Доверять в то время информации англичан о содержании этих допросов было бы сверхлегкомысленным. (К слову сказать, архивные материалы этих допросов, бесед, переговоров англичане и на се-*

годня не рассекретили и продлили секретность еще на полтора, по-моему, десятка лет.) Такой огромной была цена победы в битве за Сталинград.

К ноябрю 1942 года в результате перестройки советской промышленности резко возросло производство военной техники. И, как следствие, повысилась степень вооруженности Красной армии: по автоматическому оружию — в 2,4 раза, по орудиям и минометам — в 1,5 раза, по танкам — 1,6 раз, по самолетам — в 1,2 раза. К этому же времени удалось увеличить Сталинградскую группировку оснащенными, свежими войсками. Теперь уже на стороне Красной армии обозначился перевес под Сталинградом в людях и технике: по личному составу — в 1,1 раза, орудиям и минометам — в 1,5 раза, танкам — в 2,2 раза, самолетам — в 1,1 раза. И, что поразительно, *гитлеровцы не догадывались о готовящемся советскими войсками контрнаступлении. Не сработали ни их хваленые спецподразделения, ни «пятая колонна», ни диверсанты и шпионы, да и предателей, рассказавших бы о планах советского командования, не нашлось.* Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал К. Цейтлер засвидетельствовал в своих мемуарах, что руководители вермахта накануне советского наступления все еще не знали, на каком участке фронта русские нанесут удар. Действия советских войск для немецкого командования оказались внезапными.

За два дня до советского контрнаступления (17 ноября 1942 года) Гитлер отдает приказ о наступлении. Трудно сказать, чего здесь было больше — незнания обстановки или ее игнорирования высшим военным командованием вермахта. Но на местах-то обстановку должны были чувствовать. Паулюс, получив приказ фюрера, отреагировал не как боевой генерал, а как сделал бы вертлявый аппаратчик, находившийся вдалеке от сражений: «Я убежден, что этот приказ вызовет новое воодушевление в наших храбрых войсках». Правду генерал сказать себе не позволил.

19 ноября 1942 года советские войска перешли в контрнаступление и вскоре были окружены 22 немецкие дивизии 6-й армии общей численностью более 300 тысяч человек. После отчаянного сопротивления и неудачных попыток разблокировать окруженные под Сталинградом немецкие войска, предпринятых Гитлером, остатки окруженной группировки во

главе с произведенным в фельдмаршалы Паулюсом капитулировали 31 января — 2 февраля 1943 года. Серьезнейшие потери понесли союзники Гитлера. Венгры не досчитались 146 тысяч убитых и 30 тысяч раненых солдат и офицеров. Итальянская армия просто сгинула. Потери румын составили 300 тысяч человек. Румынский диктатор Антонеску трагично и не без гордости за храбрость румынских солдат сообщал Гитлеру после Сталинграда, что из четырех генералов трое погибли в штыковых боях, как и все командиры рот. («Геройские румынские солдаты» в сегодняшней Румынии превозносятся. Не берут в толк местные политики, что погибли они на Русской земле, куда пришли оккупантами и ворами. После них советские города оставались без трамвайных рельсов, заводов, без всего, что мало-мальски представляло материальный интерес для Румынии. Все бережно и рачительно вывозилось ими домой. Об этом необходимо сегодня говорить и, может быть, посчитать и представить Румынии в качестве наших материальных претензий, чего она избежала в Нюрнберге, изящно и вовремя переместившись в конце войны на сторону антигитлеровской коалиции.)

Германию поражение под Сталинградом потрясло. Гитлер на людях признал свою ответственность за катастрофу, писал в мемуарах лучший стратегический ум вермахта фельдмаршал Эрих фон Манштейн, но в действительности он был в ярости. Как же так, произвел в фельдмаршалы Паулюса, а тот не только не победил, но даже не застрелился, чтобы посмертно остаться героем в учебниках германской истории. *Помимо утраченного морального духа у Германии был полностью подорван военный потенциал, который она уже не смогла восстановить. Катастрофа военная все больше становилась системной, политической катастрофой. Английский историк Уильям Крейг справедливо заметил, что Сталинград стал началом конца Третьего рейха.*

Извечный вопрос «кто виноват?» начал мучить немецкое общество, милитаристские круги и верхушку вермахта. До поры объективные суждения не прорывались наружу и, как это принято в тоталитарном государстве, не выходили за рамки доверительных бесед. Но стоило капитулировать Германии, как родилась другая крайность — винить помимо фюрера всех других, снимая ответственность с себя. Тон задал рейхсминистр пропаганды Геббельс.

Надо сказать, что литературно он был весьма способным человеком. В апреле 1945 года, когда стены рейхсканцелярии дрожали от разрывов в Берлине советских снарядов, он, запершись с секретарем, гладко диктовал по 40–50 страниц в день своего видения лихих событий — мемуары, которые были опубликованы в Советском Союзе в недоступном широкому читательскому интересу засекреченном издании «Прогресса». Там рейхсминистр вспомнил одну из своих многочисленных бесед с фюрером, когда Гитлер, уже чувствующий проигрышное завершение войны и лихорадочно искавший этому объяснение, изрек, что русские генералы оказались энергичнее немецких, что их народная закваска помогла оказаться выше немецкого военного генерала. И так, *Гитлер сбросил ответственность на генералов, те в своих мемуарах — на Гитлера и других генералов, в общем, друг на друга. И были правы. Стратегических и тактических просчетов, ошибок и фанфаронства, в частности под Сталинградом, немцам для поражения хватило с лихвой.*

Как вспоминал в книге «Солдаты, которых предали» майор немецкой армии Гельмут Вельц, в окруженных под Сталинградом войсках считали виновным за поражение не только Гитлера, но и Геринга. «В ставке фюрера состоялось большое совещание. На нем шла речь о дальнейшей судьбе окруженной под Сталинградом армии. Командующие групп армий и воздушных флотов Манштейн, Вейхс и Рихтгофен, а также генерал Цейтцлер высказались за немедленное отступление на запад и за сражение на прорыв изнутри. И только один человек высказался за то, чтобы „выстоять“, бросив при этом сакраментальную фразу: „Обеспечение 6-й армии беру на себя“. Это был Геринг. Его слово оказалось решающим».

Надо сказать, что в то время автор этого заявления находился в немилости у фюрера и, тонко и точно реагируя на настроения патрона, попытался этими словами вернуть себе его былое расположение. «Мой фюрер, я уже объявил, что люфтваффе обеспечит снабжение 6-й армии по воздуху», — выпалил он Гитлеру, примчавшись к нему в резиденцию в Раценбурге сразу после этого совещания. Расположение Гитлера было возвращено, операция по снабжению окруженных под Сталинградом немецких войск началась. И на бумаге по самолетовылетам выглядела внушительно. Но вот по прилетам картина удручала. Доведись, предполагаю, Гитлеру познакомиться

со статистикой, и Геринг лишился бы не только расположения. Грузы до сидящих в окопах солдат не доходили. Из-за нелетной погоды тяжелые самолеты возвращались с полпути. Их массово сбивали советские истребители и зенитки. Степь под авиатрассой была усеяна обломками самолетов, превратившись, пожалуй, в авиационное кладбище. Манштейн подсчитал, что под Сталинградом немецкая авиация за 70 дней снабжения по воздуху потеряла 488 самолетов и 1000 человек из их экипажей.

А вообще-то вся эта кампания с авиаснабжением окруженной немецкой группировки пахла надувательством начальства и авантюризмом. Имевшийся у немцев авиатранспорт едва мог покрыть пятую часть потребностей войск в продовольствии и боеприпасах. 700–900 тонн ежедневно необходимых грузов могли перебросить 500 транспортных самолетов, если по ним не будут стрелять. А в распоряжении немецких воздушных сил даже после поставок из Франции, Норвегии и Италии находилось всего около 300 самолетов.

Цейтцлер в своих мемуарах (книга «Роковые решения»), по-солдатски привирая, рассказывает о своих смелых попытках добиться от Гитлера отхода окруженной 6-й армии. Когда нет очевидцев, рождаются легенды о смелости генералов, стоящих навтыжку перед фюрером. Чаще всего, со слов этих же генералов.

«Я не уйду с Волги! — воскликнул Гитлер.

Я громко ответил:

— Мой фюрер, оставить 6-ю армию в Сталинграде — преступление. Это означает гибель или пленение четверти миллиона человек. Вызволить их из этого котла будет уже невозможно, а потерять такую огромную армию — значит сломать хребет всему восточному фронту.

Гитлер ничего не ответил и лишь приказал вызвать к себе Кейтеля и Йодля. Когда они вошли, он сказал:

— Я должен принять очень важное решение. Прежде чем сделать это, я хочу услышать ваше мнение. Эвакуировать или не эвакуировать Сталинград?

...Вытянувшись словно по команде смиренно, Кейтель ответил:

— Мой фюрер, не оставляйте Волгу.

Йодль говорил тихо и объективно, взвешивая каждое слово.

— Мой фюрер, — начал он, — это действительно очень важное решение. Если мы отступим от Волги, мы потеряем большую часть тер-

ритории, захваченной нами во время летнего наступления ценой огромных потерь. Но если мы не отведем 6-ю армию, ее положение станет крайне тяжелым. Операция по ее деблокированию может пройти успешно, но может и провалиться. До тех пор, пока мы не увидим результатов этой операции, на мой взгляд, надо удерживать позиции на Волге.

— Ваша очередь, — обратился Гитлер ко мне... Встав по стойке смирно, я сказал:

— Мой фюрер, я не изменил своего мнения. Оставить армию там, где она находится сейчас, — преступление. Мы не сможем ни деблокировать, ни снабжать ее. Она будет бессмысленно принесена в жертву».

И Манштейн радирует в 6-ю армию: «Продержитесь, фюрер вас вызволит».

С другой стороны, возможность успешного прорыва окруженной группировки под Сталинградом изучили и наши историки. Академик А. М. Самсонов писал по этому поводу: «Прежде всего, возникает естественный вопрос о том, достаточно ли было принятия решения об оставлении и Сталинграда и прорыве 6-й армии изнутри, чтобы реально это осуществить? Враг был не только окружен, но и скован упорными боями на улицах Сталинграда и в его районе: прежде чем „прорваться“, ему надо было „оторваться“ от советских войск, что отнюдь не зависело от одного решения это сделать».

Советское Верховное командование смогло принять весьма действенные меры для пресечения подобных попыток прорыва, тем более что предположить их было несложно. Соотношение сил под Сталинградом было решительно изменено в пользу советских войск, и судьба окруженной группировки решалась далеко не приказами из Берлина. Сталинградский разгром немцев и их капитуляция все это подтвердили.

Но эпистолярные ссоры немецких генералов-мемуаристов отнюдь не ограничились выгораживанием себя и возложением ответственности за поражение на других генералов. Курт Типпельскирх, сначала генерал пехоты (это по-нашему генерал-полковник. — А. С.), а затем военный историк, в своей «Истории Второй мировой войны», говоря о сражении на Волге, вынужден признать: «Хотя в рамках войны в целом событиям в Северной Африке отводят более видное место, чем Сталинградской битве, однако катастрофа под Сталинградом сильнее потрясла немецкую армию и немец-

кий народ, потому что она оказалась для них более чувствительной. Там произошло нечто непостижимое, не пережитое с 1806 г. — гибель окруженной противником армии».

Он пишет, что участники гитлеровского похода на Сталинград, которых он называет «немецкими солдатами-идеалистами», в ходе борьбы с советскими войсками проявили «истинный героизм» во имя «верности своему долгу». Не будь отдельных ошибок германского командования, утверждает Типпельскирх, немецко-фашистские войска даже в условиях окружения «сделали бы невозможное». И, как он полагает, «русские командиры оказались бы беспомощными» перед лицом «готовых на все и энергично руководимых немецких солдат». Отвага, храбрость, стойкость и преданность Отечеству русского солдата и его командиров в битве на Волге генералом отмечены не были.

Что ж, в ходе Сталинградской битвы советским войскам действительно приходилось иметь дело с опытным и упорным противником, располагавшим современной военной техникой. И спорить с генералом, чей солдат лучше, вряд ли уместно. Но приведу мнение академика А. М. Самсонова, внимание которого также при-

влек этот пассаж из книги генерала: «Напомним в этой связи лишь два факта из длинного ряда других. При наступлении на Среднем Дону, начатом 16 декабря 1942 года, советские войска за девять дней с боями продвинулись в южном направлении на 180 км, разгромив целый ряд соединений противника. В течение того же срока и приблизительно в это же время (с 12 декабря) юго-западнее Сталинграда из района Котельниково в северо-восточном направлении наступали войска армейской группы „Гот“, которые пытались деблокировать окруженные в Сталинграде войска Паулюса. Несмотря на значительное преобладание в силах и средствах, группа „Гот“ лишь с большим трудом, неся значительные потери, преодолела расстояние в 35 километров от реки Аксай до реки Мышкова. Подобными фактами изобилуют события Сталинградской битвы».

Выводы о политическом, военном и историческом значении Сталинградской битвы содержатся сегодня во всех учебниках истории, если, конечно, написаны они неангажированными политически историками. Есть такие примеры и о них пойдет речь в 8-м томе этого издания. Что же касается данных заметок, то выводы читатель найдет в них выделенными шрифтом.